

О ФОРМАХ РУССКОГО ЗАЛОГА

Ибрагимова Н.А.

преподаватель

кафедры русской и мировой литературы
Термезского государственного университета

В статье рассматриваются различные подходы к залоговым отношениям в русском языке. Автор подробно останавливается на категории перфектности. Проанализирована семантическая противопоставленность форм перфектной страдательности формам на -ся в страдательном употреблении в русском языке.

Ключевые слова: категория залога, категория перфектности, глагол в русском языке.

ABOUT THE FORMS OF THE RUSSIAN VOICE

Ibragimova N.A.

Lecturer at the Department of
Russian and World Literature,
Termez State University

ABSTRACT

The article discusses various approaches to collateral relations in the Russian language. The author dwells in detail on the category of perfection. The semantic opposition of forms of perfect passiveness to forms on -sya in the passive use in the Russian language is analyzed.

Keywords: voice category, perfection category, Russian verb.

В истории изучения русского залога необходимо выделить два таких важных момента, как во-первых, квалификация залоговых отношений как направленности действия и системный подход к проблеме залоговых отношений ; во-вторых, понимание того, что в кругу описываемых явлений, традиционно включаемых в сферу залоговой проблематики, оказываются различные по своей языковой природе явления. Правда, у А.И.Исаченко разведённые как различные (смежные, но всё-таки самостоятельные) отношения переходности-непереходности и отношения страдательности-нестрадательности остались на деле в рамках одного языкового яруса-

морфологии. Далее в своём дифференцированном подходе к явлениям, традиционно исследуемым в качестве залоговых, пошёл К.А.Тимофеев во второй статье о залоге. Здесь им было показано, что в качестве морфологического явления залог представлен только у причастий, а у личных форм русского глагола находим явления, различные по своей языковой природе: синтаксические (страдательные конструкции), лексикограмматические или словообразовательные (возвратность – невозвратность), лексико-синтаксические (переходность- непереходность). Морфологических же форм залога у личных форм, как считает К.А.Тимофеев в этой статье, нет. Мы принимаем точку зрения К.А.Тимофеева за исключением последнего утверждения, так как считаем, что краткие страдательные причастия (а из кратких сохранились только они, следовательно, внутренне по залогу они не противопоставлены) вступают в залоговую противопоставленность с личными, ср: «Краткая же форма страдательного причастия прошедшего времени, употребляясь только предикативно, сближается с собственно глагольными формами и, таким образом, занимает определённое место среди залоговых образований русского глагола».

Роль кратких страдательных причастий в организации залоговой противопоставленности может быть оценена с двух, в некоторых степени противоположных позиций. Во-первых, данное явление можно рассматривать как перенос залоговых отношений в русском языке из центра глагольности (именно: из личных форм) на его периферию, каковой являются причастия. Во-вторых, это же явление можно оценивать как вовлечение в сферу действия «узкоглагольных» интересов (для морфологического выражения предикации) причастных форм, иначе говоря, использование кратких страдательных причастий для заполнения пустующей «клетки» морфологической страдательности в парадигме личных форм глагола. В действительности же обе оценки данного явления не противоречат друг другу, так как на деле мы имеем изменение самой сущности страдательности в современном русском языке. Возможно, это изменение вполне должно оценивать как восстановление на новом этапе былого грамматического значения страдательности, но со всей очевидностью сказать здесь пока трудно: нужны специальные исторические исследования.

Семантика страдательности в русском языке меняется, она перемещается в сторону перфектности. То обстоятельство, что в русском из всех глагольных семантических сфер ближе всего друг другу оказались страдательность и перфектность, закономерно для индоевропейского языка, ср: Е.Курилович считал, что древнейшей функцией перфекта является медиопассивная функция.

Связь пассивного залога с перфектом проступает и страдательность близки хотя бы уж потому, что в силу своей семантики не занимают центрального места в общей семантической структуре глагола как грамматически (т.е. не только лексически) темпорального слова. Перенос центра тяжести залоговых отношений в причастные формы мы рассматриваем как формирование особой грамматикой сущности, появление которой вызвано прежде всего широкой синтаксической употребительностью («экспансией») имени. Действительно, имя в предложении может выступать в функции всех его членов: подлежащего, дополнения, обстоятельства, в составе сказуемого. Последнее особенно важно, так как это затрагивает специфические интересы глагола и именно: его личных форм. При этом язык для имени сделал всё, чтобы оно и сохранило свою грамматическую природу, и могло участвовать в выражении любой предикации (любой в плане модальности, времени, лица). Попадая в позицию сказуемого, имя сразу же обрастает внешними показателями предикации, не меняя своей внутренней именной сути. К числу подобных внешних показателей следует отнести и аналитические средства (Он-учитель; Он был умён и т.п.), и такие внешние для имени морфологические показатели, которые сосредоточены в глагольной форме (Он стал учителем).

Таким образом, не утрачивая (ср. грамматический род может нейтрализоваться: Она-врач) свои морфологические свойства, имя создает опасную конкуренцию глаголу. Так, уже практически синонимичны фразы типа Он строит и Он- строитель для передачи значения «Он работает строителем». Правда, здесь имя не только вбирает в себя глагольную семантику, но и глагол, расширяя свою семантику, получает возможность обозначать как действие, так и состояние, качественную характеристику.

Говоря об определённых процессах сближения имени и глагола, мы не должны забывать, что именно глагол является морфологически маркированной частью речи: формально и семантически выступает он более определённым лексико-грамматическим объединением (это хорошо видно на примере системы выражения глагольных грамматических категорий), внутренне это наиболее сконцентрированная часть речи (глагол как темпоральная часть речи передаёт эту свою основную семантику на уровне лексики, морфологии и синтаксиса).

Между тем «вторжение» имени в сферу глагола не может не создавать угрозы главной линии развития глагола: его дальнейшему продвижению как темпоральной части речи.

В результате создаётся противоречие. И вот в качестве выхода (одного из возможных выходов) используется вовлечение в круг собственно глагольных

интересов (морфологического выражения предикации) гибридных глагольно-именных форм, т. е. причастий.

В русском языке это означает формирование оппозиции двух парадигматических узлов, один из которых составляют традиционно относимые к личным формы, а второй – краткие страдательные формы типа куплен, куплена, куплено, куплены, разбит, разбита, разбито, разбиты, любим, любима, любимо, любимы в сочетании с аналитическими выразителями тех грамматических значений, которые необходимы для сказуемого.

Общее значение этих форм состоит в выражении перфектной пассивности. Как же понимать перфектную пассивность? Перфектность в данном случае есть скорее способ глагольного действия, чем временная характеристика глагольной формы.

Перфектность здесь выступает, с одной стороны, как совершённость действия к определённом моменту, с другой – как некоторая результативность этого действия. Пассивность этой формы в соответствующей синтаксической конструкции (Книга покупается студентом). Личной глагольной формой на –ся описывается действие, формой типа куплен – состояние в результате действия, направленного на субъект (Книга куплена; Книга куплена студентом).

Таким образом, семантику данных форм можно определить как «состояние в результате совершённости (совершаемости) действия, направленного на субъект». Семантическая чёткость данных форм несомненна. Если страдательность форм на –ся эксплицитна, выводима только из конструкции: обязательно должен быть творительный беспредложный со значением лица, то страдательность форм типа куплен имманентна. Эти формы независимо от того, есть в предложении творительный лица или нет, передают отмеченное действие.

В качестве примера приведём отрывки из стихов А.И. Бунина: 1) «Воистину достоин воспринять Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу. Затем, что всё тобой сотворено. И существует волею твоею!», 2)... И в этот час, гласит преданье, Когда сомнением томим, Изнемогал он от страдания, Все преклонялись перед ним; 3) Озарён был сумрак мрачный В старом храме и сиял Чистый образ новобрачной при огнях...

Специфика перфектной страдательности как раз в том, что вовсе не обязателен в высказывании логический субъект: состояние как таковое само по себе нейтрально по отношению к субстанции, вызывающей или провоцирующей его (см. хотя бы безличные глаголы!), в то время как действие, напротив, требует своей соотнесённости с деятелем. Если при формах типа сделан есть логический деятель, то эта форма по своему значению приближается к личной форме на –ся в страдательном употреблении, хотя и специфична своей перфектностью, не

совпадающей с грамматической семантикой совершенного вида. Если же при рассматриваемых формах отсутствует логический деятель, то они по своему значению приближаются к безлично-предикативным наречиям. Особого замечания здесь требует термин «логический деятель (субъект)». Он должен пониматься широко. Этим термином обозначается собственно источник состояния-историчок, который часто выступает как причина того или иного состояния.

В связи с последним необходимо обратить внимание на частотность случаев употребления при формах типа *сделан* творительного падежа, образованного не от имени деятеля. Это как раз связано со спецификой грамматического значения форм перфектной пассивности.

В целом широту семантической сочетаемости данных форм с именем в форме творительного падежа можно считать дополнительной особенностью страдательных форм типа *сделан* по сравнению с формами *на-ся* в страдательном использовании.

Таким образом, семантическая противопоставленность форм перфектной страдательности формам *на-ся* в страдательном употреблении в русском языке достаточно очевидна. Вместе с тем вопрос о семантической противопоставленности данных форм – лишь один из тех, которые стоят при решении проблемы залоговых отношений в русском глаголе. Не менее важными являются вопросы, как организована внутренняя парадигма форм типа *сделан* и как эта парадигма вписывается в общую парадигму личных форм (или же как она соотносится с этой общей парадигмой)? Ответ на первый из этих вопросов позволит судить о характере формально-семантического противопоставления рассматриваемых форм, ответ на второй – об отношении их к видовременной системе русского глагола.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: (REFERENCES)

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1986. – Изд. 3-е, испр.
2. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. – Братислава, 1960. Т. 2.
3. Опыт историко-типологического исследования иранских языков / В. Расторгуева, Д. Эдельман, А. Каримова, Э. Молчанова, Л. Пирейко. – М., 1975. Т. 2.
4. Тимофеев К. А. К вопросу о залогах русского глагола // Русский язык в школе. – М., 1958. – Н. 2.